

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
Ж53

Художник
Валерий Калныньш

Жемойтелите Я.

Ж53 Хороша была Танюша : роман / Яна Жемойтелите. — М. :
Время, 2019. — 544 с. — (Интересное время)

ISBN 978-5-9691-1767-9

Если и сравнивать с чем-то роман Яны Жемойтелите, то, наверное, с драматичным и умным телесериалом, в котором нет ни беспричинного смеха за кадром, ни фальшиво рыдающих дурочек. Зато есть закрученный самой жизнью (а она ох как это умеет!) сюжет, и есть героиня, в которую веришь и которую готов полюбить. Такие фильмы, в свою очередь, нередко сравнивают с хорошими книгами — они ведь и в самом деле по-настоящему литературны. Перед вами именно книга-кино, от которой читатель «не в силах оторваться» (Александр Кабаков). Удивительная, прекрасная, страшная история любви, рядом с которой непременно находится место и зависти, и ненависти, и ревности, и страху. И смерти, конечно. Но и светлой печали, и осознания того, что жизнь все равно бесконечна и замечательна, пока в ней есть такая любовь. Или хотя бы надежда на нее.

ББК 84(2=411.2)6

ISBN: 978-5-9691-1767-9

© Я. Жемойтелите, 2019
© «Время», 2019

Яна расскажет сказку

Александр Кабаков

Таких писателей много в Латинской Америке, их сочинения называются «магическим реализмом», сами они в общественной жизни тяготеют к коммунистам, поскольку тяготеть к СССР уже нереально. Там так себе с едой и жилищами, там нечего носить, но можно танцевать и без одежды. И магические реалисты придумали себе мир, где можно танцевать, заниматься любовью, наслаждаться буйной природой — и этот мир не предъявит полученное к оплате.

Этот прекрасный вымышленный мир, не реальный, но и не фантастический, придумывают авторы, и поселяются в нем, и там им хорошо — во всяком случае, тот мир приспособлен к его обитателям. Там, на Американском Юге, живет полковник Билл Фолкнер, в действительности сильно пьющий американский почтальон. Там мучается бесконечным одиночеством нобелиат Гарсиа Маркес, которому было бы еще хуже на реальном Юге. Там, на почти необитаемых островах, мается неопределенностью Волшебник Тома Вулфа...

Где-то там же терзается придуманной ею же реальностью Яна Жемойтелите, придумавшая свою Карелию. С сумрачным Городом и угрюмой Деревней, с бурным Озером и непреодолимым Лесом... Она придумала этот мир и поселилась в нем, и вступила с ним в трудные, родственные отношения, и за этими отношениями, их развитием читатель следит, не в силах оторваться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Tuska^{*}

Хороша была Танюша...

С. Есенин

* Tuska (финск.) — боль.

Нет, вот откуда исходила эта беспричинная радость предзимья, раннего снега, укутавшего палисадники рабочей слободки? Багрянец бузины, тронутой инеем, перекликался с кумачовыми лозунгами, которыми силикатный завод во множестве украсил заборы: «Решения XXVI съезда КПСС поддерживаем и одобряем!», «Наш труд — тебе, Родина!», «Выше знамя коммунистического труда!». Когда Танюшка была маленькой, она даже немного гордилась, что ее мама работает на силикатном заводе, а значит, участвует в большом и серьезном деле строительства коммунизма. Тем более что на заводе делали кирпичи — основной строительный материал. Потом, когда чуть-чуть подросла, уже, конечно, не думала ни о чем таком, да и коммунизм все откладывался на неопределенное будущее, и мамыны руки, которые могли и приласкать, и дать затрещину, состарились на заводе быстрее мамы. Мама еще крутила по праздникам бигуди и делала высокую взбитую прическу вместо обычного пучка, красила губы и наряжалась в вечный кримпленовый костюм, но кожа на руках стала дряблой, как старые разношенные перчатки, выдавая секрет, что мама вовсе не модница, а уставшая от работы и семейных хлопот женщина, которой вся ее жизнь казалась долгим путешествием в плацкартном вагоне. Попутчики пили водку, ругались матом, задабривая конфетками троих ее орущих детей. Это путешествие надо было перетерпеть, чтобы когда-нибудь прибыть в пункт назначения. В коммунизм?

Танюшка впервые удивилась маминым рукам, когда старшая сестра Катя выходила замуж. У них в роду все выходили замуж очень рано и все по большой любви, в том числе мама, которая сразу после школы пришла на завод и тут же влюбилась в инженера. И вроде бы они неплохо жили целых десять лет, а потом папа поехал в командировку в Пермь и там нашел себе инженершу. Отца Танюшка помнила плохо. Да и ну его вовсе. Зряшный он человек, если променял хорошую, добрую маму на чужую инженершу. Хотя говорили и так, что отец просто не выдержал житухи в частном доме с печным отоплением и колонкой через улицу. В очередь на квартиру их не ставили, вроде бы и так жилплощадь была обширной, а что с дровами, так зато никакие морозы не страшны... У инженерши в Перми были отдельная квартира, машина, ну и прочее что там входило в набор жизненных благ. Он до сих пор платил алименты, правда теперь только на самую младшую дочь Настю, которая училась в девятом классе. Танюшке осенью исполнилось восемнадцать, а Кате было уже двадцать.

Так вот, когда прошлой весной мама с Танюшкой лепили пирожки к Катькиной свадьбе, Танюшка вдруг будто заново увидела мамины руки, ловко катавшие тесто, — какие они смуглые, морщинистые, с кряжистыми сучковатыми пальцами... «Мама», — невольно вырвалось у Танюшки. «Что, моя красавица?» — мама легко коснулась Танюшкиного виска, будто поправив прядку. «Нет, ничего, почудилось», — Танюшка мотнула головой.

Красавица. Абсолютно все матери видят своих дочек красавицами. Но Танюшка действительно была красавицей, принадлежала к отдельной породе людей. То есть у краса-

виц вот именно что всё не как у всех, причем непонятно, откуда они берутся, когда и мама, и папа — просто симпатичные люди, каковых вообще много. И сестры у Танюшки видные, конечно, девушки, светлоглазые, с русыми волосами и крепко сбитыми телами, как на картинах Дейнеки. А в Танюшке, во-первых, росту метр восемьдесят, коса как смоль, густая, ниже пояса, глаза жаркие, темные. Причем бабка у нее была финка-ингерманландка, из тех, кого на родину, в Ленинградскую область, из ссылки не пустили назад, вот семья и осела здесь на силикатном заводе. Подальше от людей, что ли, косо ведь тогда смотрели на тех, кто из ссылки вернулся. Мать по молодости, конечно, тоже была девушка интересная, иначе б какой инженер на нее глаз положил, простую формовщицу? Финны тоже бывают темноволосые и кареглазые, но не такой же редкой, изысканной красоты. Поговаривали даже, что мать Танюшку с цыганом нагуляла, поэтому де отец и сорвался в Пермь. Да разве было у матери время с цыганом гулять? На заводе восемь часов оттрубишь, а дома дети да хозяйство, куры, огород еще свой, картошка, лук, огурцы в теплице. Какой цыган, тыфу.

«Красавица моя», — накануне Седьмого ноября мать достала из шкафа бумажный сверток, крест-накрест перетянутый веревочкой. И вместе с легким душком нафталина из шкафа потянуло беспричинной радостью нового дня, скрашенного небольшой обновкой, которыми мать радовала Танюшку каждый праздник, приговаривая всякий раз: «Мне-то куда уже наряжаться». Танюшка уловила ее легкую улыбку, разбегавшуюся возле глаз «гусиными лапками», — мама теперь и улыбалась одними глазами, потому что во рту у нее недоставало зубов, и она этого стеснялась. Хотя

рабочие на силикатном заводе почти сплошь были беззубые по наплевательскому отношению к себе. Да и вообще мало кто всерьез занимался тогда зубами...

«Красавица моя», — повторила мама, когда Танюшка развернула сверток и одними пальчиками подхватила невестомую паутинку белого пухового платочка. Ахнув, накинула на голову и тут же поспешила к зеркалу, завертелась перед ним так и эдак, любуясь собой. Только наглядевшись, сказала: «Спасибо» — и еще успела подумать, что платочек этот обрамляет ее лицо будто иней, и черные прядки на лбу так удачно выбиваются...

«Кому-то ты достанешься?» — вздохнула мама. И это означало, во-первых, что кто же тот счастливец, кому придется отдать такую вот красоту. А во-вторых, что ни один прекрасный муж не будет любить Танюшку так, как мама, а замуж выходить ей все-таки придется, чтобы все было как у людей. Главное, чтоб не продешевила. С такой красотой можно еще повыбирать. А, собственно, кроме красоты, женщине больше ничего и не нужно. Так все считали на силикатном заводе.

К праздникам на заводе давали продуктовые пакеты, в которых неизменно находились пачка индийского чая, банка майонеза, банка горошка, иногда докторская колбаса, ну и еще кое-что по мелочи. Можно было сделать тазик салата «Оливье», картошка и соленые огурцы в погребе не переводились, а если еще нарезать курицу, получится настоящий пир. Мама вообще готовила хорошо, но особенно ей удавались пироги с брусникой, на которые то и дело забегали Танюшкины подруги — и когда она еще в школе училась, и теперь, когда поступила в университет. Подружек поуба-

вилось, правда. Лучшая подруга уехала учиться в Ленинград, зато парней вокруг вилось много, Настька еще своих друзей приводила. Она занималась в баскетбольной секции при заводе. Коротко стриженная, больше похожая на мальчишку, она и вела себя как пацан. Матом, правда, не ругалась, но отшить любого могла, да еще и в глаз двинуть, если что. Нравы на силикатном заводе царили грубые, парни церемониться с девками не привыкли, особенно если выпьют.

В спортивные секции при заводе ходили многие. Не только из интереса, но еще и потому, что там были душевые. А в частных строениях, прилепившихся к заводу, душевых не было, поэтому раз в неделю ходили в баню, но молодежь хотела мыться чаще. Танюшка записалась на баскетбол в девятом классе, только на втором же занятии тренер ее аккуратно взял под локоток и попросил задержаться после тренировки, чтобы кое-какие личные данные в журнал посещения занести. Танюшка его в зале ждала — как была в трусах и футболочке, а он, когда все разошлись, к ней подсел и тут же руку на голую коленку ей положил. «Ты, — говорит, — красавица, в сборную хочешь попасть? В Ленинград на зональные соревнования поедем...» — «Да пошел ты!»

Училась она кое-как, едва вылезая из троек, потому что стоит ли тратить молодость на сидение над книжками, когда вокруг бурлит такая интересная пестрая жизнь. Нет, жить вообще было хорошо, даже в доме с печным отоплением. Вот так вернешься домой, скинешь в прихожей припорошенное снегом пальтишко, а в комнате печь дышит жаром, и слышно, как потрескивают поленья. Ближе к ночи слышимым оставался только один звук — как потихоньку поскрипывают проседавшие деревянные стены.

Дом был построен почти сразу после войны и в те времена считался добротным. Он и был сколочен на совесть, однако с годами просел, крыльцо покосилось. В нем была одна большая общая комната, в которой мама спала на диване, и две маленькие, поделенные между сестрами так, что старшая Катя жила отдельно, а Танюшка с Настей ютились вдвоем в одной комнате и спали на железных кроватях. Когда Катя вышла замуж, Танюшка переехала в ее комнату и как бы сменила социальный статус, оказавшись девушкой на выданье. Теперь была ее очередь. И даже по своей полудеревенской улице она ходила, гордо задрав подбородок, как бы неся себя вперед, показывая всему свету: смотрите, какая я. После школы ей прочили спортивную карьеру, однако мама настояла, чтобы Танюшка поступила в университет на отделение финского языка. Конкурс там небольшой, возьмут и с неважными оценками, главное — по-фински хоть немного соображать, а домашний набор слов у Танюшки с детства сохранился, хотя она давно упорно не желала говорить по-фински даже с родственниками. Зачем, мол, это?

— А затем, — объяснила мама. — Я вот сама мало чему училась. После семилетки сразу на завод пошла, чтобы свою копейку иметь, потом в вечерней школе доучивалась, стыдно было недоучкой ходить. Не знаю... Мы сейчас вроде не голодаем, и финнов в Сибирь больше не выселяют. А может, ты выучишься и сама в Финляндию уедешь, подальше от нашего социализма, прости господи. Мысли мне всякие приходят в последнее время. Так что давай-ка ты двигай в университет.

Танюшка удивилась, какую длинную речь произнесла мама. Обычно она обходилась несколькими словами, а больше просто вздыхала по любому поводу. Танюшка сама

не знала, хочет ли она изучать финский язык и зачем он нужен вообще. Но с ее средним баллом в аттестате о среднем образовании, да и вообще с ее знаниями никуда было больше не поступить, это точно, кроме разве что кулинарного техникума или швейного училища, которое окончила Катя. Однако, насмотревшись на Катину семейную жизнь, — а вышла сестра за простого слесаря, — Танюшка уже подумывала о том, что надо бы срубить дерево покрепче. Хотя Катиному мужу как «афганцу» и выделили однокомнатную квартиру, радость новоселья была недолгой. Ну что? Приходит слесарь со смены домой, голодный и злой, и курит в туалете, пока жена ему ужин готовит. А на всякие разговоры у него уже и сил нет. Программу «Время» посмотрит — и спать, а завтра к восьми утра опять на завод. И Катьке тоже на смену, правда к девяти, в Дом мод. Белье стирает по выходным. Продукты покупает вообще неизвестно когда и как. В общем, Катька ей даже плакалась. И стоило ей за этого слесаря выходить? Ну разве что в белом платье сфотографироваться, а дальше — а что дальше-то?

Танюшка еще думала, правда ни с кем не делилась, что красивые люди рождаются для чего-то другого. То есть у них вся жизнь должна быть, как яркий праздник, даже если это простая семейная жизнь.

Как только объявили о приеме документов в университет, Танюшка рано утром, будто боясь опоздать, села на автобус и поехала в центр, где на проспекте Ленина возвышался настоящий храм науки. Широкая лестница в окружении зеленых лужаек, посаженных елочками, вела к парадному входу, и у Танюшки возникло странное чувство благоговения, но только на какую-то минуту. Гордо задрав подборо-

док, она прошествовала по этой лестнице, как шахматная королева, одетая по случаю жаркой погоды в белое платье, и, едва появившись в аудитории, занятой приемной комиссией, мгновенно притянула к себе взгляды строгих женщин, сидевших за столами с табличками «Филологический факультет», «Медицинский факультет», «Экономический факультет»... Ее еще кольнул яркий момент одиночества, как будто бы она осталась совершенно одна в этой аудитории, оглохшей и залитой ярким солнечным светом, а все мельтешение вокруг столов исчезло, растворилось в этом абсолютном свете. Так, собственно, и было. Абитуриенты и члены приемной комиссии смотрели только на нее, строгие тетки за столами, заваленными бумажными папками, даже прервали работу. Потом как будто кто-то включил звук и погасил яркий свет, суэта возобновилась, и Танюшка, отыскав необходимый стол, заполнила анкету и получила наставления, когда и куда прийти. Тетка в очках с пышными рыжими кудрями, внимательно изучив ее аттестат, еще покачала головой: «Средний балл у вас неважный. Однако будем надеяться...» — и она по-доброму улыбнулась, будто действительно надеясь, что такой редкостной красоты чудо поселится у них в университете.

Танюшка поступила. Впрочем, отсеяли только двух безнадежных абитуриентов из сельской местности, всех остальных финноязычных зачислили, причем большинство студентов первого курса отделения финского языка носили интересные «шпионские» фамилии типа Крейслер или Гюнтер, за которые в былые времена могли и посадить. И только Танюшка была просто Танюшкой Брусницыной — по отцу, и теперь ее обычная русская фамилия вкупе с яркой

внешностью как раз вызывали подозрения: а что делает она среди белобрыхых сероглазых сокурсников?..

Училась она так же, как выполняла работу по дому: без особого удовольствия, однако и без чувства подавленности. Просто выполняла то-то и то, пыталась то-то и то-то запомнить, а когда и нет, некогда ей было в гуще новой студенческой жизни, наполненной не только лекциями и семинарами, но и субботними танцами в университетской общаге, а также по-прежнему — домашними делами, мелкой стиркой, уборкой и прочей помощью по хозяйству. С финским она вроде справлялась без особого труда, выезжая на домашних знаниях, однако только поначалу. Грамматики она не знала совершенно, и все эти названия падежей только вызывали смех. Бабушка вообще падежей не знала, а по-фински говорила бойко — это как?

Танюшка догадывалась, что пуховый платочек мама купила на деньги, вырученные от продажи яиц. К ней частенько заходили заводские за яйцами, и кто-то все-таки стукнул. В августе участковый проверил, говорил что-то про нетрудовые доходы. Да какие же доходы нетрудовые? Дерьмо за курами убирать — это что, отдых? Участковый оказался добрый дядька и хода делу не дал, только матери слегка пригрозил, чтобы она завязывала с торговлей. Яйца для трудящихся — в магазине. Не каждый день, конечно, и от инкубаторских кур, с бледно-желтыми желтками, но все же яйца. И всякий трудящийся в нашей стране может позволить себе эти магазинные яйца. А уж яйца от частной несушки — это, извините, деликатес.

В этом платочке Танюшка отправилась на демонстрацию, а едва вернувшись, тут же пошла за хлебом. Хотя мать,

конечно, поварчивала, что платочек нарядный, оставила бы для случая. А за хлебом пройтись — разве не случай? Тем более что этот платочек так подходил к ее светло-серому пальтишку с песцовым воротником.

День одел голые деревья кисеей колючей изморози, снег падал медленно, лениво, резными хлопьями оседал на плечах, а воздух был ярок и отдавал почему-то свежими огурцами, Танюшка даже пожалела, что свежие огурцы придется еще ждать целую зиму, но тут же это сожаление перебили мысли о пирогах с брусникой, которые мама уже стряпала. А вечером можно зайти к Маринке Саволайнен послушать на кассетнике «Аббу». Танюшке особенно нравилась песня «One way ticket», написанная на мелодию «Синий-синий иней», — в ней действительно чувствовался перестук колес поезда, призванного умчаться ее далеко-далеко, но только когда-нибудь, не прямо сейчас. Сейчас нужно было купить хлеба и еще кое-чего по мелочи.

Над магазином возле самого завода тоже был натянут плакат «С праздником, дорогие рабочие!», а по случаю этого праздника в магазине как раз «выкинули» сыр, в результате чего образовалась очередь. Танюшка встала в эту очередь, хотя на сыр денег у нее не хватало, но если взять только половину буханки и наскрести мелочи по карманам... Очередь состояла сплошь из кряжистых теток, различить которых в лицо мог только хороший знакомый. Баба Вера, туго запеленатая до пояса в серый пуховый плат, кое-где проеденный молью, вещала в пространство, обращаясь ни к кому: «На прошлой неделе обещали копченой колбасы подвести, дак... Я с семи утра дежурила, чтобы первой быть, дак скажали, что в леспромхоз всю колбасу свезли. А не жирно ли

этим лесорубам, когда в ихнем сельпо и так спецснабжение. Даже финские польта дают. Все лучшее — лесорубам, а мы что ж, не люди?..» Тетки поддакивали ей, потряхивая головами в мохеровых шапках, долготерпение наложило на их лица странно одинаковый рисунок морщин у губ и возле глаз. Танюшка думала мимоходом, что уж у нее-то уголки губ никогда не стекут вниз, потому что она привыкла улыбаться каждой мелочи, потому что жить все равно радостно. Сыр «выкинули» на праздник — разве это плохо? Хорошо, конечно.

«Мне два килограмма», — в паузе произнес кто-то зычным, густым голосом возле прилавка. «Нет, полкилограмма! — мгновенно взорвалась очередь. — Не больше полкило в одни руки!» А баба Вера долго еще выдергивалась, что ходят тут всякие, которые из начальства, деньги, видно, девать некуда, а вся работа — штаны в кабинете просиживать...

Танюшку кто-то настойчиво толкал в бок, однако поначалу она не обращала внимания — в очереди всегда толкаются, однако этот кто-то тулился к ней все плотнее и наконец шепнул прямо в ухо: «Кильку в томате возьмем? Под водку хорошо идет...» Она узнала его голос и короткий смехок, мгновенно вызвавший легкую неприязнь. Бывает, что человек просто не нравится изначально, без определенной причины. Именно так Танюшке не нравился Гера Васильев, которого сравнивали с Челентано, хотя сходство было довольно условным. Он учился в речном училище, и сам этот факт придавал его облику определенный флер, каким-то образом навевая мысли о дальних странствиях, хотя выпускники в основном ходили мотористами через озеро на «кометах» и «метеорах».

Гера грубовато обтер грудью, упакованной в дерматиновую куртку, Танюшкино плечо и сообщил, что сегодня в восемь собираются у Васьки Хромова.

— Кильку, говорю, возьмем?

— Ну так бери! — фыкнула Танюшка. — Я-то при чем?

— Ты, Танечка, там первая гостья. — Гера растекся в улыбке, обнажив редкие зубы.

— Не обещаю. У нас своя компания.

— А если мы к вам нагрнем на огонек?

— Как нагрнете, так и назад повернете, — отрезала Танюшка, не желая продолжать разговор.

Гера помолчал, потом почему-то сказал:

— Водка из-за афганской войны вверх поползла в цене.

Танюшка не ответила. Тогда Гера все-таки отвалил и, кажется, вообще вышел из магазина. Танюшка решила, что он просто хотел пристроиться к ней в очередь, и с облегчением вздохнула. Было душно от испарений мокрых пальто, полушубков и человеческого дыхания. Танюшка расстегнула пуговицы пальто и ослабила на шее платок. Гера. Еще прошлой весной он навязчиво и грубо пытался ухаживать за ней на танцах, если его нагловатые приставаания вообще можно назвать ухаживанием. Он вызвался проводить ее до калитки, хотя в этом не было необходимости: вечера стояли светлые, и на улице никто не безобразил открыто, да и в каждом окошке были глаза, которые замечали, кто с кем шел в обнимку, кто шлялся навеселе.

Тогда, в мае, на выходе из заводского ДК Гера попытался ее обнять, почти облапать, но Танюшка вывернулась полуплутя, а потом на протяжении всего пути от ДК к дому он то и дело хватал ее за руку, причем выше локтя, как бы случай-

но касаясь груди, невзначай прижимался бедром к ее бедру. Возле самой калитки он прижал ее к забору и проговорил чуть ли не прямо в рот: «Будешь со мной гулять?». В голосе его сквозила почти угроза, однако Танюшка засмеялась и выскользнула из его лап, ловко нырнув в калитку. Да разве ей страшен Гера Васильев? Тоже мне, раскатал губу.

Потом он подкатывал к ней еще в июне, специально поджидал у калитки, а едва она появилась, тут же выдал со скорбно-решительным выражением на смуглой физиономии:

— Если меня осенью в Афган отправят, будешь ждать, Танька?

Она опять отмахнулась, что-то вроде: кто тебя такого в Афган возьмет? И ведь верно: поступил Гера в речное училище на моториста и пропал из виду на долгую осень.

— Полбуханки черного и двести граммов сыра. — Наконец подошла ее очередь. Пока продавщица отрезала ломоть сыра от желтого аппетитного круга, Танюшка смекнула, что хлеба все-таки берет мало, но сыру мама обрадуется точно, давно сыра не видели.

Выйдя из магазина, она еще опасливо оглянулась: нет ли Геры поблизости, потом перевела дух, успокоилась, и вот снова проклюнулась беспричинная радость, подумалось, что жить действительно хорошо, а когда-нибудь, очень скоро, непременно будет еще лучше. Она пересекла пустырь, отделявший завод от рабочей слободки, и остановилась на дороге, подставив лицо вялому снегу, который теперь сыпал с неба почти сплошной стеной. «Сегодня 7 ноября 1982 года», — почему-то произнесла про себя Танюшка. А это означало, что на днях ей исполнилось 18 лет и что все самое замечательное действительно еще впереди.

Ворона каркнула на суку — сыто, протяжно, возвестила два часа пополудни.

— Танька-а, — диссонансом резанул воздух голос Геры Васильева.

Он отделился от грязно-серой стены барака в начале улицы, которая дальше текла по направлению к автобусному кольцу.

— Танька, ты не поняла.

— Чего не поняла? — она почти крикнула в ответ через плотную стену снега.

— Я же не просто так зову тебя погулять. Да я, бля, тебя люблю! — он тоже почти выкрикнул признание и, быстро приблизившись, зажал ее в тиски объятий и пару раз ткнулся слюнявым ртом в ее мокрое от снега лицо.

— А я тебя не люблю! — она едва вырвалась и бросилась бежать без оглядки вперед, вот еще каких-то четыре дома... Тоже мне, красавец выискался, Челентано хренов. Небось в речном училище в моторах поднаторел, вот и вообразил себе...

Он настиг ее у самой калитки. Схватил сзади за плечо, дернув, развернул к себе:

— Ты чего думаешь, так просто от меня сбежать?

— Да уйди ты! Да разве можно вот так, силком? — Она ткнула авоськой ему в лицо.

— Все равно моя будешь! — он смачно сплюнул сквозь зубы.

«Накось выкуси», — Танюшка проглотила фразу, готовую сорваться с губ, и нырнула во двор, закрыв на щеколду спасительную калитку, которая, конечно, ни от кого не защищала, а только придавала уверенности: мол, я у себя дома.

Уже на пороге пахло стряпней. Домом. Мама наварила щей. Настя, по всей видимости, уже успела пообедать и увистала по каким-то своим делам — это была знакомая Настина отговорка, как будто только она одна и занималась чем-то важным.

Мама обрадовалась сыру и тут же припрятала лакомый кусок в холодильник для завтрака, потому что если нагрянут Катя со своим Костей, так зятю этот кусочек на один зубок.

Катя с Костей обещали прийти к обеду, однако уже смеркалось, а их не было видно. Танюшка в одиночестве похлебала щей, с волнением поглядывая на пироги, выставленные на большом столе и прикрытые полотенцем. Больше всего на свете она не любила ждать. Даже самую малость. Потому что вот так сидишь себе, ждешь неизвестно сколько, а тем временем где-то рядом успевают что-то случиться без тебя. Может быть, что-то совсем незначительное, но ведь из таких мелочей и ткется жизнь, собирается по капелькам, чтобы однажды хлынуть потоком. А что когда-нибудь хлынет, закипит вокруг шумная, обильная жизнь, Танюшка не сомневалась. И нынешняя странная радость проистекала именно из ее будущего счастья. Оно уже проклевывалось явными приметам буквально на каждом шагу. Например, сегодня по дороге в магазин Танюшке навстречу попала соседка с полными ведрами...

Костю с Катей она разглядела в кухонное оконце. Они шли под ручку, пряча лица от снега, который к вечеру превратился в мелкую злую крошку. Танюшка бросилась в прихожую, действительно обрадовавшись сестре и просто гостям, без которых ощущение праздника уже казалось смазанным. Хотя что они, собственно, праздновали? Уж точно не Октябрьскую революцию.